

Императорский пир

На следующее утро Линь Жухай в сопровождении Дайюй и Линь Лана отправился с визитом в дом Цзя.

Приподняв занавеску экипажа, Дайюй увидела, что главные ворота усадьбы распахнуты настежь. Даже пожилые служанки, вышедшие её встречать, щеголяли в праздничных нарядах — все как одна из тех, что пользовались в доме особым почётом. В памяти девицы невольно воскрес день её первого приезда, когда она, одинокая и растерянная, робко переступила этот порог. Контраст был столь разителен, что сердце невольно сжалось от лёгкой грусти.

Жуи поспешила помочь барышне сойти на землю. Заметив печаль на её лице, служанка с тревогой спросила:

— Барышня, что с вами?

Дайюй лишь мягко улыбнулась в ответ и тихо распорядилась:

— Проследи, чтобы все подарки, которые мы привезли, внесли в дом. Не забудь ничего.

Жуи почтительно поклонилась и поспешила исполнить приказание, уступив место Жуин, которая бережно поддерживала хозяйку под локоть.

Когда Дайюй со спутниками вошла в зал Жунси, Старая госпожа Цзя и остальные домочадцы уже сидели на своих привычных местах. Едва увидев внучку, Матриарх, не дав той даже склониться в приветственном поклоне, порывисто прижала её к груди и со слезами запричитала:

— Жестокая ты моя Юй-эр! Ну почему же ты так долго не навещала свою старую бабушку?

Дайюй поспешно выпрямилась и, ласково утирая слезы на лице Матриарха, принялась её успокаивать:

— Полно вам, бабушка, не корите меня. Разве смела бы внучка забыть о вас? Мы ведь только вчера прибыли в столицу. Отцу сразу же надлежало явиться во дворец на аудиенцию к Императору, а брат... ну что взять с мужчины? В домашних хлопотах он совсем не смыслит. К тому же, после долгой дороги мы были все в пыли — не пристало в таком виде представать пред ваши светлые очи.

Ван Сифэн ещё со вчерашнего дня пребывала в благостном расположении духа. Шутка ли — супруг её, Цзя Лянь, вернулся после долгой разлуки совсем другим человеком. Осыпал её подарками, предугадывал каждое желание, окружил небывалым вниманием. Наслушавшись его рассказов о Гусу, Сифэн поняла, насколько могущественным и богатым стал дом Линь. Она

в глубине души благословляла дядю Линя за то, что тот приструнил её повесу-мужа и наставил его на ум. Да и к самой Дайюй она питала искреннюю симпатию. Заметив неловкость, Сифэн тут же поспешила вмешаться с весёлым смехом:

— Ой, посмотрите-ка на нашу барышню Линь! Стоило разок съездить в Гусу, и как повзрослела, как сладко заговорила! Наша Старая госпожа от радости места себе не находит, а вы тут слезы лить вздумали!

Матриарх ласково усмехнулась:

— Уж ты, егоза, вечно найдёшь, что вернуть! — Она обвела взглядом присутствующих. — Вы, молодые, давно не виделись, вот и ступайте к себе, поболтайте. А старшим тут делать нечего, не мешайте молодежи, расходитесь-ка по своим покоям.

Почтенные дамы послушно закивали и начали расходиться. Сестрицы тут же гурьбой обступили Дайюй и увлекли за собой. Что до ведения домашних дел, то Старая госпожа, поуправляв усадьбой несколько дней после отъезда Цзя Ляня, сослалась на немощь и вновь переложила все заботы на плечи Ван Сифэн. Так что той тоже пришлось поспешить по делам хозяйства.

Цзя Сичунь взяла Дайюй за руку и восхищенно пробормотала:

— И впрямь говорят, что в Гусу вода и земля волшебные! Сестрица Линь, ты не просто расцвела — ты стала совсем другой!

В отсутствие Дайюй её кузен, Цзя Баоюй, проводил всё время в компании Сюэ Баочай, и они заметно сближались. Однако стоило ему сейчас увидеть Дайюй, как весь его мир сузился до неё одной. Он замер, не в силах отвести от кузины восхищенного взгляда.

Дайюй вернулась еще более прелестной, чем прежде. Прежняя хрупкость, напоминавшая гибкую иву на ветру, никуда не делась, но исчезла бывшая зажатость и вечная оглядка на чужое мнение. Теперь от неё веяло благородным спокойствием и утонченным изяществом. Сюэ Баочай, заметив, как Баоюй завороченно смотрит на соперницу, ощутила укол ревности. Прежде их считали равными по красоте и уму, но Дайюй была дочерью высокопоставленного чиновника, тогда как она сама — всего лишь дочерью купца. Пусть даже их род числился среди «императорских поставщиков», в глазах истинной знати они оставались безродными торговцами.

Баочай щедро раздавала слугам серебро, покупая их расположение и похвалы всего дома, но против благородного происхождения это было ничто. Теперь же глава дома Линь вернулся в столицу за заслуженным повышением, и даже обитателям Поместья Жунго придётся заискивать перед Дайюй.

Отгнав непрощенные мысли, Баочай приветливо улыбнулась:

— Милая сестрица, тебя так долго не было! Мы все иссохлись от тоски по тебе!

Дайюй рассмеялась:

— Какое совпадение! Я в Гусу тоже только о вас и думала. Жуи, скорее, неси наши гостинцы!

Жуи, стоявшая неподалеку, давно уже сгорала от негодования, видя, как бесцеремонно Баоюй пялится на её госпожу. Ей безумно хотелось заслонить Дайюй собой, но в присутствии Старой госпожи она не смела дерзить. Едва услышав призыв хозяйки, служанка мгновенно юркнула вперёд, решительно перегородив молодому барину обзор.

Дайюй собственноручно раздала подарки. Всё было сделано по строгим правилам этикета, никого не обделили вниманием, и покои наполнились радостным гомоном и взаимными любезностями.

Все были в восторге от изысканных даров, и лишь Баоюй уныло протянул, вертя в руках сверток:

— Сестрица, ну зачем ты даришь мне эти скучные книги?

Дайюй удивленно приподняла брови:

— Как зачем? Это же труды, необходимые для подготовки к государственным экзаменам. Я специально советовалась с братом, он сам по ним учится. К тому же, по этим самым книгам когда-то занимался мой отец — видишь, на полях остались его собственноручные пометки и пояснения? Погляди сам!

С этими словами она раскрыла перед ним один из томов.

Баоюй терпеть не мог учебу, и от одного вида канонов его бросало в тоску. Но поскольку подарок преподнесла Дайюй, он через силу улыбнулся и бережно принял книги. Затем, запустив руку за пазуху, он извлек изящные буддийские четки.

— А это мне недавно подарил сам принц Бэйцзин. Я сберег их специально для тебя, сестрица!

Дайюй небрежно взяла четки, брезгливо оглядела их и тут же швырнула обратно в руки кузену.

— Какая гадость! Стану я еще брать вещи, которые побывали в руках у какого-то чужого мужика! — фыркнула она и, отвернувшись, вернулась к сестрам.

Несмотря на столь холодный прием, Баоюй ничуть не обиделся. С глуповатой улыбкой он поплелся следом, но бдительные служанки дома Линь то и дело ненавязчиво преграждали ему путь, не позволяя приблизиться к барышне.

Тем временем на мужской половине усадьбы Цзя Шэ и Цзя Чжэн вели неспешную беседу с Линь Жухае, пригласив для компании и Цзя Ляня.

Цзя Чжэн принялся расспрашивать Линь Лана об успехах в учебе, а выслушав ответы, разразился высокопарными похвалами. Однако Линь Жухаю эти расспросы пришлись не по душе.

"Ишь, вздумал проверять знания моего сына прямо при мне! — раздраженно подумал он. — Сам даже высшую ученую степень получить не сподобился, сидит в министерстве на должности помощника министра исключительно благодаря заслугам предков. И туда же — экзаменовать моего наследника!"

Скрыв досаду, Линь Жухай ловко перевел разговор на отвлеченные темы — поэзию, каллиграфию и изящные искусства. От подобных материй Цзя Чжэн быстро почувствовал себя не в своей тарелке. Ему показалось, что за годы службы в провинции Линь Жухай совсем обленился духовно и погряз в праздности. Пробормотав какое-то благовидное оправдание, он поспешил откланяться, оставив гостей на попечение Цзя Шэ и Цзя Ляня.

Линь Жухай лишь вздохнул с облегчением. Линь Лан тоже не стал задерживаться: поднявшись, он вежливо откланялся, сославшись на необходимость засвидетельствовать почтение своим наставникам из Императорского кабинета. Цзя Шэ, разумеется, удерживать юношу не стал. Покинув усадьбу Цзя, Линь Лан отправился развозить праздничные дары и показывать выполненные за время отъезда письменные работы учителям из Императорского кабинета.

Маститые ученые и без того благоволили способному юноше, а уж теперь, когда его отец вернулся в столицу, чтобы занять почетный пост министра финансов второго гражданского ранга, их благосклонность и вовсе не знала границ.

Как говаривал старый учитель Линь Лана: «Этот сорванец рожден с редким даром очаровывать стариков, особенно почтенных книжников из Академии Ханьлинь!»

Сделав приличный крюк по столице, Линь Лан обошел всех учителей. Внимая их строгим наставлениям, разбору ошибок и заумным лекциям, он под конец дня едва соображал от усталости. Вдобавок его наставник Линьюнь-цзы заставил юношу собственноручно расписывать бумажные фонарики к завтрашнему празднику Юаньсяо. Словом, измотался он и душой, и телом.

Кое-как управившись с делами, Линь Лан поспешил обратно к поместью Жунго, рассчитывая забрать отца и сестру домой, однако у ворот застал одного лишь родителя.

Помогши Линь Жухаю подняться в повозку и обменявшись прощальными поклонами со слугами дома Цзя, Линь Лан и сам запрыгнул внутрь.

Линь Жухай, успевший изрядно пригубить за обедом вина, сидел слегка захмелевший. Заметив сына, протискивающегося на сиденье, он недовольно нахмурился:

— А ты чего сюда лезешь? Для тебя ведь отдельный экипаж подали!

Линь Лан весело усмехнулся:

— Да полно вам, батюшка. На дворе зима, стужа, а здесь вдвоем куда теплее будет!

Линь Жухай пренебрежительно фыркнул:

— Оставь эти нежности для престарелых академиков, на меня твоё притворство не действует.

— Батюшка, неужто вы ревнуете? — прыснул Линь Лан. — Не извольте гневаться, ваш сын предан лишь вам.

— Твой отец всегда останется твоим отцом, — проворчал Линь Жухай. — Выкладывай давай, чего тебе надобно?

Линь Лан виновато улыбнулся и заискивающе заглянул отцу в глаза:

— Батюшка... У меня к вам покорнейшая просьба.

Линь Жухай устало потер переносицу и со вздохом произнес:

— Говори уж, не тяни душу.

Юноша придвинулся ближе и принялся услужливо массировать отцу затекшие ноги, вкрадчиво проговорив:

— Не могли бы вы немного позаниматься со мной? Чувствую, что за время дороги мои познания в канонах поиссохли.

Линь Жухай откинулся на подушки и удивился:

— Да ну? Твой наставник ведь каждые три дня слал тебе письма с подробными указаниями и заданиями. Как ты мог отстать?

Линь Лан состроил жалобную гримасу:

— Одно дело — зубрить тексты в одиночку, без живого разбора это пустая трата времени. Батюшка, ежели завтра у вас не будет спешных дел, уделите мне хоть пару часов!

Последние слова он произнес на певучем, мягком диалекте Гусу. От этой приторной ласки у Линь Жухая даже мурашки по коже пробежали.

— А ну говори как подобает мужчине! — строго оборвал его отец. — Нечего тут капризничать как девица. Сколько тебе лет стукнуло в этом году?

Линь Лан тут же выпрямился и с самым серьезным видом доложил:

— Батюшка, мне пошел пятнадцатый год!

Линь Жухай наградил его тяжелым взглядом, и юноша, мгновенно растеряв напускную суровость, заискивающе улыбнулся:

— Так как насчет завтрашнего дня, договорились?

Линь Жухай несильно щелкнул сына по лбу и со вздохом покачал головой:

— И в кого ты уродился такой неугомонный? Ладно уж. Завтра на рассвете жду тебя в своем кабинете. Смотри не проспй!

Линь Лан радостно закивал, а после поинтересовался:

— А как же сестрица Дайюй? Осталась гостить у Цзя?

Линь Жухай молча кивнул и прикрыл глаза. Линь Лан не стал расспрашивать дальше: у сестры были надежные служанки и строгие пожилые служанки, так что беспокоиться о ее безопасности не приходилось. Повозка мерно покачивалась, и в салоне воцарилась тишина.

На следующее утро Линь Лан действительно проснулся ни свет ни заря и послушно отправился в кабинет отца. Однако прошел час, пошел второй, а родитель так и не появился. Успев перечитать все подготовленные свитки, юноша заподозрил, что его попросту обвели вокруг пальца, а почтенный министр сейчас безмятежно спит в своей спальне.

Решив не терять времени попусту, Линь Лан напрямик направился в отцовские покои. Знаками велел слугам молчать, он проскользнул в опочивальню. Линь Жухай действительно крепко спал, зарывшись в теплое одеяло. Коварно ухмыльнувшись, юноша настежь распахнул входную

дверь, впуская внутрь ледяной северный воздух, а затем достал веер и принялся усердно махать им прямо перед лицом отца. Пронзительный сквозняк вмиг заставил Линь Жухая задрожать и открыть глаза.

Заспанный Линь Жухай мгновенно перехватил запястье сына и проворчал:

— Ах ты негодник! Совсем страх потерял — отца будить вздумал?

Линь Лан ничуть не испугался и весело отозвался:

— Батюшка, солнце уже высоко, пора за ум браться!

Линь Жухай сердито сопел. Выпустив руку сына, он демонстративно повернулся на другой бок и поплотнее закутался в одеяло.

— Убирайся отсюда. Дай мне еще полчаса, и я приду. Да дверь закрой, окаянный!

Силой стаскивать одеяло с разгневанного родителя Линь Лан все же не решился, а потому почел за лучшее отступить. Напоследок он жалобно крикнул от двери:

— Батюшка, умоляю, не засыпайте снова! Я буду ждать вас в кабинете!

Услышав невнятное бурчание в ответ, юноша вздохнул и поплелся обратно к своим свиткам.

К чести Линь Жухая, слово свое он сдержал: не прошло и получаса, как он вошел в кабинет. Занятия затянулись до самого вечера. Отец безжалостно гонял сына по текстам Четверокнижия и канонам, устроив настоящую головомойку, и прервался лишь тогда, когда пришло время облачаться в парадные халаты для торжественного приема во дворец.

Едва они переступили порог императорской резиденции, Линь Лан приклеился к отцу как банный лист. Когда юноша принял из рук столичных чиновников уже десятый по счету сверток с подношениями, Линь Жухай, натянув на лицо дежурную вежливую улыбку, поспешил распрощаться с очередным собеседником и сквозь зубы процедил сыну:

— Послушай, ты долго еще собираешься таскаться за мной тенью?

Линь Лан, не переставая благожелательно улыбаться проходящим мимо сановникам, едва шевеля губами, отозвался:

— Как только соберем дань со всех присутствующих, так сразу и отстану. Батюшка, подскажите, со сколькими важными господами нам еще предстоит раскланяться?

Поначалу Линь Жухай искренне желал представить наследника столичной элите, дабы проторить ему дорожку в высшее общество. Но безудержная страсть сына к наживе перечеркнула все благие намерения. При виде каждого нового подношения в глазах мерзавца вспыхивал такой алчный блеск, что у министра финансов краска стыда выступала на щеках.

— Господин Линь! Какая встреча! — раздался зычный голос очередного сановника.

Бежать было поздно. Линь Жухай с тоской покосился на сына, чье лицо вмиг озарилось лучезарной и бесконечно фальшивой улыбкой. Мысленно проклиная тот день, когда решил взять этого вымогателя с собой, министр приготовился к очередной светской беседе, обреченно наблюдая, как его утонченный наследник на глазах превращается в прожженного ростовщика.

К счастью, мучения министра длились не вечно — далеко не всякий чиновник имел право присутствовать на императорском пиру. За этот вечер Линь Лан в полной мере оценил изворотливость и дипломатический талант отца. Как выяснилось, связи Линь Жухая простирались далеко за пределы гражданского ведомства: поприветствовать его подходили даже суровые военачальники. Но главным триумфом стали, разумеется, горы подарков. Теперь все серебро, беспечно растраченное юношей на чаевые и развлечения в Гусу, вернулось сторицей. Хоть те траты и совершались на благо общего дела, скупой родитель наотрез отказался компенсировать сыну расходы из семейной казны. По сути, Линь Жухай сам вынудил его заняться этим неприкрытым собирательством, так что винить ему стоило лишь себя.

Вскоре начался сам пир. Линь Лан во второй раз в жизни удостоился лицезреть Императора. Положив руку на сердце, юноша вынужден был признать: выглядел Сын Неба куда бодрее и свежее, нежели несколько месяцев назад. С такой крепостью духа и тела старик вполне мог протянуть еще лет семь, а то и все десять.

"Эх, бедные принцы, — мысленно усмехнулся Линь Лан. — Придется вам еще знатно попотеть в борьбе за трон"

В этот миг наивный юноша даже не подозревал, что через каких-то пять лет ему самому предстоит вступить на стезю государственной службы, и род Линь окажется втянут в этот бушующий водоворот придворных интриг без малейшей надежды на спасение.

Впрочем, пока отец был рядом, любые заботы казались далекими и несущественными. Однако предаваться праздным мыслям юноше пришлось недолго. От императорского возвышения отделился пожилой евнух и направился напрямик к ним.

— Позвольте узнать, вы ли будете сыном господина Линя? — учтиво поинтересовался он.

Линь Жухай с вежливой улыбкой поклонился:

— Все верно, почтеннейший, это мой непутевый отпрыск. Могу ли я узнать, по какому делу вы пожаловали?

Судя по летам, евнух служил верой и правдой самому Императору и пользовался его безграничным доверием, а потому министр проявил к нему максимум почтения.

Слуга государя мягко улыбнулся:

— Его Величество желает лично побеседовать с молодым господином Линем.

Линь Жухай бросил быстрый взгляд на тронное возвышение. Сын Неба действительно смотрел в их сторону и даже благосклонно кивнул. Поняв, что беды ждать не стоит, отец знаком велел Линь Лану следовать за посланником.

В отличие от их первой встречи, юноша ничуть не растерялся. Он держался с завидным достоинством, его осанка и легкий шаг источали благородство. Наблюдавшие за ним придворные невольно зацокали языками от восхищения, а затем мрачно вспомнили о собственных неотесанных сыновьях, и на душе у них стало совсем тошно.

Линь Жухай тем временем вежливо отпивал из кубка, выслушивая бесконечные славословия в адрес своего наследника.

"Хвалите, хвалите, — с тайной усмешкой думал он. — Этот сорванец просто мастерски носит маску добродетели. Знали бы вы, какие безумства он творит, когда его никто не видит! Попадись вам такой сынок — локти бы искушали от досады!"

<http://bllate.org/book/18219/1759362>